

А.В. Елпатьевский

Голубая дивизия

военнопленные
и интернированные
испанцы в СССР

Андрей Елпатьевский

**Голубая Дивизия, военнопленные
и интернированные
испанцы в СССР**

«Алетейя»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62

Елпатьевский А. В.

Голубая Дивизия, военнопленные и интернированные испанцы в СССР / А. В. Елпатьевский — «Алетейя», 2015

Книга, написанная на основании широкого круга источников – дневников и воспоминаний, архивных документов и публикаций, – рассказывает о судьбах испанцев, оказавшихся в СССР во время Второй мировой войны и проводивших долгие годы в советских лагерях. Среди них были люди разных убеждений – фалангисты и республиканцы, антикоммунисты и антифашисты. Некоторым удалось вернуться на родину, многие умерли в заключении. Важное место в монографии занимает история участников похода так называемой Голубой дивизии – испанских добровольцев, сражавшихся на стороне гитлеровских войск. Книга содержит подробную информацию о численности и составе дивизии, о количестве военнопленных и интернированных в СССР, умерших в лагерях и репатриированных. Особую историко-биографическую ценность представляет мартиролог Голубой дивизии, в котором указаны источники сведений о каждом погибшем. Книга адресована специалистам-историкам и всем, кто интересуется историей Испании и России.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)62

© Елпатьевский А. В., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	5
1. Введение	7
Немного о численности военнопленных и интернированных испанцев	8
2. Отечественная историография темы	11
3. Голубая Дивизия как таковая в испанской историографии	15
Второй командир – первый свидетель	16
«Русские тетради» Дионисио Ридруэхо	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Елпатьевский

Голубая дивизия, военнопленные и интернированные испанцы в СССР

Предисловие

Мой отец, Андрей Валерьянович Елпатьевский, посвятил проблеме испанской эмиграции в СССР 20 лет. За это время им был собран обширный источниковедческий и историографический материал о судьбе испанцев, оказавшихся в СССР; опубликована монография «Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации»¹ и ряд статей.

К сожалению, осталась неизданной последняя его работа, посвященная судьбе участников Голубой дивизии, воевавшей в СССР на стороне Гитлера в 1941–1943 годах.

Я взяла на себя смелость издать этот материал в том виде, в котором он сохранился, но с небольшой редакторской правкой: иногда то, что казалось очевидным моему отцу, на мой взгляд, нуждалось в дополнительной расшифровке. Поэтому в тексте вы найдете как примечания автора, так и примечания редактора, то есть мои.

Кроме текста в моем распоряжении была база данных об испанских эмигрантах, которую Елпатьевский составлял много лет. Благодаря этому справочному материалу мне удалось определить имена действующих лиц и составить Указатель Персоналий; вы его найдете в конце этой книги. Мне кажется, для людей, родственники которых имели отношения к событиям тех лет, этот справочник может быть полезен.

Я благодарна Борису Николаевичу Ковалеву, который любезно предоставил фотографии документов для оформления книги. Работа Б.Н. Ковалева «Добровольцы на чужой войне. Очерки истории Голубой дивизии» (Издательство Новгородского государственного университета. Великий Новгород, 2014) не упоминается в обзоре литературы, так как вышла после смерти А.В. Елпатьевского.

Большое спасибо моим детям, Евгении и Виктору Давыдовым, которые помогали мне в работе.

Возможные неточности, которые Вы найдете в этой книге, на моей совести и ответственности.

Несколько слов об авторе. Андрей Валерьянович Елпатьевский (1931–2010) – архивист, историк, автор более 150 работ.

Выпускник МГИАИ, Елпатьевский всю жизнь проработал в системе архивного ведомства, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заместителя начальника Главархива СССР. До последних дней он сотрудничал с ВНИИДАД, журналом «Отечественные архивы».

Выйдя на пенсию, отец продолжал работать и опубликовал ряд серьезных работ по архивному делу. Но кроме этого его исследовательский интерес был связан с направлением, которое в конце прошлого века только зарождалось в российской исторической науке: это испаноязычная россика, иначе – испанцы о России. Начав с перевода трудов испанских историков и мемуаристов, Елпатьевский затем обратился к фондам российских архивов, и это перевело работу в плоскость источниковедческого и историко-биографического исследования. Так был собран и изучен интереснейший материал по пребыванию испанцев на территории СССР в начале и

¹ Елпатьевский А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Москва-Тверь, изд-во «ГЕРС», 2002 г., 290 с.

середине XX века. Результаты этой работы – в том числе переводы испанских авторов – находятся в личном фонде А.В. Елпатьевского в ГАРФ (Ф. 10089). Кроме того, часть исследований была опубликована, помимо упомянутой монографии, в сборнике материалов XVIII научной конференции по ВИД в Москве² и в «Вестнике архивиста»³.

Монография о Голубой дивизии – это попытка рассмотреть историю пребывания в СССР военнопленных и интернированных испанцев на основании опубликованных испаноязычных и российских, в основном архивных, источников.

Екатерина Елпатьевская

² Елпатьевский А.В. Испаноязычная книжная Россия XX века.; Проблема доступности. // Вспомогательные исторические дисциплины. Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 189–194.

³ Елпатьевский А.В. Об испанских военнопленных и интернированных в СССР. // «Вестник архивиста», 2006, № 2–3 (92–93), С. 273–284; № 4–5 (94–95), С. 156–172.

1. Введение

Для многих читателей, возможно, неожиданна сама постановка вопроса об испанских военнопленных. Действительно, основную массу военнопленных Второй мировой войны в СССР составляли граждане Германии и Японии; известно, что на стороне Германии против СССР воевали также Италия, Венгрия, Румыния. Но в составе немецкой армии находилась и воевала под Новгородом и Ленинградом испанская Голубая Дивизия, и часть ее в ходе боев попала в плен. Кроме того, некоторая часть граждан Испании была интернирована Советской Армией уже за пределами СССР – при этом, если устанавливалось, что они участвовали в военных действиях против СССР в составе Голубой Дивизии или других частей вермахта, то они также попадали в категорию военнопленных.

Проблема испанских интернированных граждан более сложна. С одной стороны, она связана с последствиями гражданской войны в Испании и тем обстоятельством, что часть испанцев, иногда вопреки их воле, была оставлена на территории СССР после поражения республиканцев в марте 1939 г. С другой – к категории интернированных относятся также испанцы, попавшие в нашу страну в результате действий частей Советской армии на территории Германии, Австрии, Польши. Мы их условно называем здесь, чтобы отличить от испанцев, интернированных на территории СССР, «союзными» интернированными, – пользуясь термином, позаимствованным из документов Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (ГУПВИ). Эта часть интернированных испанцев, в свою очередь, делилась еще на две – одни довольно быстро передавались союзникам, не попадая на территорию СССР, другие же по различным, не всегда ясным, причинам отправлялись в глубь нашей страны, иногда оставаясь там на многие годы. Всё это крайне усложняет выявление действительного числа тех или иных категорий военнопленных и интернированных испанцев.

Цель нашей работы – рассмотреть историю создания и пребывания в нашей стране испанской Голубой Дивизии, военнопленных и интернированных испанцев, основываясь на опубликованных испаноязычных, а также отечественных – в основном, архивных – источниках, хранящихся, большей частью, в РГВА и ГАРФ.

Немного о численности военнопленных и интернированных испанцев

По данным отечественного историка В.П. Галицкого, военнопленных испанцев в СССР было 452 человека⁴.

В сборнике документов о военнопленных в СССР⁵ приводятся несколько иные цифры. Приведем данные этого сборника, относящиеся к испанцам, в порядке хронологии.

Согласно составленной 27 июня 1945 г. Справке о количестве и национальном составе военнопленных, поступивших в лагеря ГУПВИ в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., на 26 июня 1945 г. в них содержалось 368 испанцев, в том числе 9 офицеров. (С. 19).

В справке о наличии военнопленных Западных армий по состоянию на 1 февраля 1947 г. среди пленных офицеров числилось 15 испанцев, а всего испанцев – 322 человека. (С. 300).

В справке ГУПВИ МВД СССР от 8 марта 1947 г. о военнопленных бывшей германской армии, освобожденных из плена и направленных на родину, на 1 февраля 1947 г. числилось 72 испанца, 1 аргентинец, 1 португалец и 1 латиноамериканец. (С. 830).

В докладной записке С.М. Круглова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии о состоянии военнопленных на 1 апреля 1948 г. в составе военнопленных бывшей германской армии, подлежащих дальнейшему содержанию в лагерях согласно имеющимся решениям правительства, значатся 342 испанца (С. 255).

Согласно справке ГУПВИ от 28 января 1949 г. о военнопленных бывших европейских и японских армий по состоянию на 1 января 1949 г., испанцев было всего пленено 464 человека, всего из этого состава убыло 160 человек, в том числе репатрировано 78 человек, передано на учет интернированных – 1 человек, убыло в тюрьмы – 13 человек, сбежал – 1 человек, умерло – 67 человек; состоит на учете на 1 января 1949 г. – 304 человека. (С. 332).

По справке заместителя начальника УПВИ И.С. Денисова от 30 марта 1952 г. о наличии осужденных и неосужденных военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях МВД СССР, по состоянию на 1 марта 1952 г. граждан Испании было: военнопленных – 305, из них осужденных – 46; неосужденных 259; интернированных (все неосужденные) – 34; итого 339 человек. Справка эта была направлена на имя

В.М. Молотова, вопрос о репатриации граждан Югославии, Испании, Норвегии и Финляндии к тому времени еще не был решен. (С. 790).

По другой Справке о количестве осужденных военнопленных, содержащихся в лагерях МВД СССР на 1 марта 1952 г. из 46 осужденных испанцев военнопленных было 5 офицеров и 41 человек унтер-офицеров и солдат. Неосужденных испанцев из 259 было 4 офицера и 255 унтер-офицеров и солдат. (С. 791).

В итоговом отчете Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации о выполнении решения правительства СССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств за 1945–1951 гг. содержатся следующие сведения о лицах испанской национальности:

В 1945 г. было репатрировано 107 человек, в том числе освобожденных из немецкого плена 105, и военнопленных и интернированных – 2 человека.

В 1946 г. – репатрировано 22 человека, в том числе освобожденных из немецкого плена – 1, военнопленных и интернированных – 21 человек.

В 1948 г. репатрировано 7 человек, все военнопленные и интернированные.

⁴ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941 – 1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46.

⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1945. Документы и материалы. М., 2000.

В 1949, 1950 и 1951 гг. репатриации испанцев не было, а всего за 1945–1951 гг. репатрировано 259 испанцев, в том числе 225 из немецкого плена и 34 из числа военнопленных и интернированных в СССР (С. 896 – 898).

По докладной записке междуведомственной комиссии в ЦК КПСС от 4 июля 1955 г. о целесообразности освобождения и репатриации на родину всех иностранных граждан, осужденных за преступления, совершенные в период 2-й мировой войны, подлежали освобождению и репатриации, в числе других, 3 испанца. (С. 907).

Наконец, в работе Стефана Карнера цитируется справка начальника тюремного отдела МВД СССР от 28 апреля 1956 г., в которой среди других называется число военнопленных испанцев – 452 (приводимое и Галицким), из которых 382 репатрировано и 70 умерло⁶. Этот же немецкий исследователь, работа которого посвящена исключительно судьбам немецких и австрийских военнопленных в СССР, пишет, что на вопрос о том, сколько людей было угнано, депортировано, насильно переселено или интернировано из Германии и Австрии, нельзя ответить однозначно, и отмечает, что в 1945 г. из фронтовых лагерей, приемных пунктов и госпиталей было, часто без регистрации, репатрировано очень большое число рядовых и унтер – офицеров всех национальностей, кроме немецкой⁷.

Как можно видеть, вся эта статистика особой ясности не вносит. Она увеличивает число военнопленных до 464 человек, а кроме того, усложняет вопрос упоминанием о военнопленных испанцах, освобожденных из немецкого плена, и их репатриации, относительно которой, как мы увидим дальше, нет достаточной ясности – далеко не все они репатриировались сразу, из мест освобождения и без отправки на территорию СССР, какая-то их часть на время попадала в советские лагеря.

Автор капитального труда, посвященного использованию военнопленных в СССР в качестве трудовых ресурсов, на основе вышеуказанного сборника документов о военнопленных и собственных подсчетов по архивным материалам РГВА, в одной из таблиц указывает, что число военнопленных испанцев составляло 0,4 % от общего числа военнопленных в СССР и характеризовалось следующими цифрами: на 1 января 1944 – 390 человек; на 1 января 1945 – 369 человек, в 1946 г. – 401 человек, и в 1947 г. – 336 человек. Согласно другой его таблице, освобожденных из плена и содержащихся в СССР испанцев было в 1945 – 1946 гг. 55 человек; на первое января 1947 г. – 72 человека.⁸

Приведем некоторые цифры из испанских источников.

По словам второго командира Голубой Дивизии генерала Эстебан-Инфантеса⁹, 80 % испанцев-военнопленных стали таковыми после сражения в Красном бору и попали в лагеря под Ленинградом и в Колпино. Он упоминает офицеров – капитанов Орокету и Паласиоса (первый был ранен) и субалтернов-офицеров Молеро, Кастильо, Альтуру и Росалени, которые «во вражеском лагере <...> были глашатаями высочайшего духа, который вообще царил в испанских боях» (С. 278).

Большой интерес представляет приводимая генералом статистика военнопленных и интернированных испанцев, несколько отличающаяся от советской. Общая картина, согласно его сведениям, такова:

Репатриированные в апреле 1954 г. – 286 человек (имеются в виду прибывшие в Испанию на «*Семирамисе*» – А.Е.)

Умершие в заключении – 118 человек;

Освобожденные для работы в Советском Союзе – 66 человек;

⁶ Карнер Стефан. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941 – 1956. М., 2002. С. 96.

⁷ Там же, С. 44, 83, 220.

⁸ Сидоров С.Г Труд военнопленных в СССР 1939 – 1956, Волгоград, 2001, С. 421, 448.

⁹ Esteban-Infantes E. La Division Azul (Donde Asia empieza). Barcelona, 1956.

Пропавшие без вести – 14 человек.

Всего – 484 человека.

Пропавшие без вести 14 человек состоят, по его утверждению, из 6 моряков и 8 пилотов. Бойцы из Голубой Дивизии, умершие в заключении, подразделяются на умерших

в Колпино – 6 человек;

в Череповце – 38 человек;

в Караганде – 10 человек;

в Красноярске – 7 человек;

в Ворошиловграде – 4 человека;

в Харькове – 7 человек;

в Боровичах и др. местах – 22 человека;

итого – 94 человека военнопленных и 24 умерших интернированных – всего 118 человек.

(С. 293).

Кратко комментируя эту статистику, отметим, что число собственно военнопленных он считает примерно равным 300 человек, но общая численность военнопленных и интернированных превышает советскую цифру на 20 человек; в статистике также фигурируют 3 человека «из Германии» – очевидно, «союзные военнопленные», освобожденные советскими войсками из немецких лагерей; – их наличие в числе отбывших на «*Семирамисе*» подтверждает тот факт, что какая-то их часть попадала во внутренние лагеря СССР, а не передавалась сразу союзникам. Надо также отметить, что Эстебан-Инфантеса, скорее всего, не интересовали испанцы, освобожденные из немецкого плена, – в значительной части бывшие республиканцы, попавшие в Германию из Франции, – так как он не упоминает их больше; нам же известно, что их количество во много раз превышало цифру 3. Кроме того, в статистике фигурируют «пропавшие без вести», отсутствующие в советской статистике; существенно разнится также цифра умерших. Всего вероятнее, под «освобожденными для работы в СССР» скрываются оставшиеся в СССР и определенные для поселения в совхоз «Массандра» 65 испанцев (о них ниже).

В документе, составленном в 1956 году и приведенном в составе приложений к исследованию, посвященному судьбам испанских детей, эвакуированных в СССР¹⁰, имеется таблица численности испанцев различных категорий, прибывших в СССР в период с 1937 по 1956 год и числящихся оставшимися в СССР на эту дату. В этой таблице предусмотрены также интересующие нас группы испанцев, такие, как – происходящие из Голубой Дивизии;

– добровольцы в германской армии;

– трудящиеся, захваченные в Германии после Второй мировой войны;

– работавшие в Германии беженцы.

Относительно количества прибывших в СССР испанцев этих категорий, в том числе умерших в Союзе, в таблице указано «неизвестно», но приводится цифра участников Голубой Дивизии, еще остающихся в СССР на 1956 год – 80 человек, с интересным примечанием: «В этот итог включены, помимо тех, кто продолжал находиться в тюрьмах и концентрационных лагерях, те, кто приобрел свободу путем присоединения к Советскому Союзу или дезертирства в русские ряды». Эти данные, скорее всего, сообщенные вернувшимися на судне «*Семирамис*», свидетельствуют о том, что какая-то, очень небольшая, часть участников Голубой Дивизии, действительно, осталась в России.

Ниже мы постараемся уточнить ряд приведенных цифр, основываясь как на позднейших испанских работах, так и на собранных нами данных.

¹⁰ Alted Vigil, Alicia; Nicolas Marin, Encarna, Gonzalez Martell, Roger. Los ninos de la guerra de Espana en la Union Sovietica. De la evacuacion al retorno (1937–1999). Madrid, 1999, p. 349.

2. Отечественная историография темы

Отечественная историография по проблеме испанских военнопленных и интернированных бедна.

Работы И.В. Безбородовой¹¹, очень содержательные с точки зрения общей проблемы военнопленных, о военнопленных-испанцах ничего конкретного не содержат.

Едва ли не первая уделила внимание Голубой Дивизии и испанским военнопленным С.П. Пожарская. В статье «Испания и вторая мировая война» она отмечает экономическую слабость страны, но считает, что главной причиной ее нейтралитета был страх Франко перед собственным народом. Основное внимание она уделяет причинам нейтралитета Франко относительно войны Германии на Западе, подчеркивая, что совсем иная реакция была на военные действия против СССР. Много говорит она и по поводу внешней политики Франко в это время. Оценка Голубой Дивизии дана ею кратко и определенно: «Путь «голубой дивизии»¹² в СССР был бесславлен... моральный дух оставшихся в живых солдат был решительно подорван... Для некоторых фанатиков-фалангистов столкновение с действительностью в болотах северо – западного участка Восточного фронта окончилось крушением веры в догмы фаланги. Среди последних был и Дионисио Ридруэхо, горячий последователь Примо де Риверы, член Национальной хунты фаланги, который по возвращении из СССР демонстративно вышел из ее состава»¹³.

На следующий год С.П. Пожарской была опубликована статья, специально посвященная Голубой Дивизии¹⁴. Ею подчеркивается, что военные признавали недостаточную экономическую и военную готовность Испании к вступлению в войну; упоминает она о том, что уже 3 июля 1941 г. статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер обратился с просьбой не принимать в дивизию русских белых эмигрантов. Она делает упор на большие потери дивизии – уже под Новгородом на конец января

1942 г. ее численность составляла лишь 5 – 6 тысяч человек, потери же достигали 14 тысяч. Она отмечает, что к концу июля 1942 г. было обновлено до 80 % ее состава. С.П. Пожарская обильно цитирует показания перебежчиков и военнопленных, но не называет их имен. Приводятся свидетельства определенного антагонизма между испанцами и немцами. Излагается также история отзыва дивизии с фронта. Она считает, что в Голубом легионе после этого осталось 2 500 человек под командованием бывшего начальника штаба Голубой дивизии полковника Антонио Наварро, который до января 1944 г. находился недалеко от станции Любань, «где был стерт с лица земли».

Некоторые сведения об испанских военнопленных имеются в статье двух вологодских историков В.Б. Конасова и А.В.Терещук. Они отмечают, что «Итальянцы, а еще в большей мере граждане Испании вызывали у русских неоднозначные чувства, среди которых находилось место даже для чувства и проявления симпатии. Весьма примечателен в этом отношении эпизод, связанный с организацией в Вологде в 1949 г. футбольного матча между местной командой «Динамо» и командой, сформированной из испанских военнопленных, служивших в «Голубой дивизии». История сохранила для потомков как счет этого беспрецедентного матча (5:1 в пользу хозяев), так и то, что после игры испанские военнопленные – футболисты были

¹¹ Безбородова И.В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945 – 1951 гг.). // Отечественная история. 1997. № 5.; Она же. Дела персонального учета иностранных военнопленных как источник по истории деятельности управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. // Вестник архивиста. 1997. № 1 (37).

¹² Здесь и далее в случае прямой цитаты сохраняется орфография источника. – ред.

¹³ Пожарская С.П. Испания и вторая мировая война // Новая и новейшая история, 1968, № 16 С. 36, 41.

¹⁴ Пожарская С.П. «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941 – 1943) // Вопросы истории, 1969, № 8

освобождены из лагерей, «расконвоированы» и вплоть до последовавшей вскоре репатриации получили разрешение жить практически на свободе». Авторы, ссылаясь на официальную статистику (документы Центра информации УВД Вологодской области) утверждают, что в лагерях только Вологодской области в 1942 – 1949 гг. умерло 37 испанцев, точные даты и причины смерти большинства из них известны.¹⁵

Из статьи волгоградского историка в. г. Сидорова можно видеть, что практически весь послевоенный период испанские военнопленные, как и некоторые другие, не имели разрешения на переписку с родственниками (этим правом пользовались военнопленные немцы, австрийцы, венгры, румыны, итальянцы и японцы), и лишь Инструкция от 24 июля 1953 г. (приказ МВД СССР № 00576) разрешила переписку военнопленным всех национальностей, но только с близкими родственниками, указанными в личном деле осужденного¹⁶.

Работавший в политорганах Ленинградского фронта и занимавшийся организацией пропаганды во вражеских войсках полковник Ю.В. Басистов в своем Автореферате кандидатской диссертации лишь однажды упоминает, что «к началу 1943 года в большинстве политорганов работали немецкие (а также финские, испанские, норвежские) военнопленные, вставшие на путь борьбы против фашизма»¹⁷. Но в более поздней его работе¹⁸ Голубой дивизии уделено определенное внимание. Он пишет, что «было обеспечено постоянное идеологическое воздействие на испанских солдат и офицеров. Для участия в работе среди испанцев в Ленинград из Москвы прибыли два испанских эмигранта – Хуарес и Веласко». Ю.В. Басистов пишет, что советские листовки вызвали к национальным чувствам и гордости испанцев, напоминали, что Россия всегда была другом испанского народа. Он утверждает, что командование стремилось отделить испанцев от немцев – был издан специальный приказ, переведенный на испанский язык, по войскам Ленинградского фронта № 127 от 20 сентября 1942 г. где предписывалось всех бросивших оружие и отказавшихся от борьбы испанцев накормить и отправлять в специальные лагеря для испанских военнопленных. [Спросим себя в скобках – не тем ли, что требования этого приказа впоследствии не исполнялись, было вызвано разочарование перебежчиков по поводу того, что их затем приравняли к немецким военнопленным? – А.Е.]. Басистов называет также перешедшего на нашу сторону 7 декабря 1942 г. капрала Мона; упоминает активного пропагандиста Феликса Карнисеро, который впоследствии не захотел вернуться на родину и жил на Украине вплоть до своей смерти в 1970 году.

Уже после опубликования нашей работы о военнопленных испанцах в Международном историческом журнале мы ознакомились с сообщениями Ю.Е. Рыбалкина¹⁹. В них достаточно детально дана военная история Голубой дивизии и содержатся некоторые сведения об испанских военнопленных. Автор пишет, что в фондах Центрального архива Министерства обороны России сохранились протоколы опросов военнопленных из 250-й дивизии, которые перешли на сторону Красной армии добровольно или были захвачены в плен. Зафиксированы показания

¹⁵ Конасов В.Б., Терещук А.В. Узники войны (из истории иностранных военнопленных в России и СССР). // Новый часовой. СПб., 1994. № 1. С. 36–37). Отметим, что авторы ошибаются относительно «последовавшей вскоре репатриации». Испанские военнопленные-футболисты могли вернуться на родину в лучшем случае в марте 1954 г. на пароходе «Семирамис». – Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.

¹⁶ Сидоров В.Г. Военнопленные и интернированные в СССР, 1939 – 1956 гг.: связь с Родиной. // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4, История, Философия. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 40.

¹⁷ Басистов Ю.В. Политическая работа среди войск противника на Ленинградском фронте в годы Великой Отечественной войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1983. С. 13.

¹⁸ Басистов Ю.В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах второй мировой войны. СПб., 1999, С. 62 – 63.

¹⁹ Рыбалкин Ю.Е. Испанские военнопленные второй мировой войны в СССР. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Вологда, часть 2. Вологда, 1997. Он же. Испанские военнопленные второй мировой войны. // Трагедия войны – трагедия плена. Сборник материалов Международной научно – практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР и проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена». Москва, Красногорск, 1 – 2 октября 1998 года, М., 1999.

капрала Франсиско Барреро Эскудеро, рядовых Лусио Корреса Рекивитиса, Хуана Наварро, Хосе Фернандеса Арместо, Антонио Альгано Молера, Аурелио Гомеса Чаморро, Доминго Ромеро Ортиса и др. (С. 70), однако автор не дает архивных ссылок на эти данные. Интересно его замечание, со ссылкой на фонд 504 ЦХИДК, что немцы активно пытались вербовать среди испанских офицеров агентов, но сталкивались с большими трудностями, так как испанского офицера очень трудно или невозможно подкупить и результатов можно добиться только находясь в дружественных отношениях с ним и указывая на общие цели и общих врагов (С. 71 второго сообщения).

Рыбалкин приводит сведения – по нашему мнению, не всегда точные, как мы увидим ниже, – о количественном составе испанских пленных, ссылаясь лишь на указанную выше справку от 28 апреля 1956 г.: «Всего в плену было 452 испанца, в их числе 10 старших и младших офицеров, 442 унтер – офицера и рядовых. Освобождено и репатриировано 382 человека (10 офицеров и 372 унтер-офицеров и рядовых). Умерло 70 человек (все унтер-офицеры и рядовые)» (С. 71 второго сообщения).

Его сведения о местах содержания пленных испанцев достаточно точны и представляют существенную ценность. «Пленные испанские добровольцы, – пишет он, – пройдя пункты для приема пленных в Озерки (Ленинградская обл.), Ленинграде и других, направлялись в лагеря: приемо-пересылочный лагерь № 157 г. Бокситогорска, № 158 г. Череповца. Попавшие в плен 10 февраля 1943 г. у Колпино Ленинградской обл. направлялись в лагерь НКВД № 270 (Новгородской обл.). В военных архивах сохранились протоколы допросов испанских военнопленных, например, летчиков Андреса Ашенси и Антонио Фабра (дается ссылка на ф. 37967 РГВА, оп. 6, д. 644). В разное время испанские военнопленные находились в лагерях: № 58 (г. Саранск), 62 (Киев), 99, 144 (Ворошиловградская обл.), 159 (Одесса), 182, 437, 476 (Свердловская обл.). В лагере № 270 (Новгородская обл.) после завершения репатриации (?!! – А.Е.) на 1 января 1950 г. было 240 испанских граждан (в том числе 34 интернированных). К началу августа 1950 г. их стало 285 человек, из них 7 младших офицеров, 11 осужденных, а к концу года – 307 человек неосужденных и 11 осужденных». Автор дает ссылку на ЦХИДК, ф. 1 п, оп. 15, д. 212, но не пытается как-либо объяснить увеличение этих цифр после неизвестно когда прошедшей репатриации. Далее он пишет: «В этом лагере некоторые военнопленные призывали других к голодовке, отказываться от работы в шахте (например, бывший военнослужащий Голубой дивизии Антонио Рокка). В июле 1950 г. было два побега четырех военнопленных испанцев с объектов лагерных работ. Всех беглецов задержали. Через лагерь № 158 (Вологодская обл.) прошло 265 испанских военнопленных (приводится следующая динамика движения со ссылкой на ЦХИДК, ф. 1 а, оп. 35, д. 26):

	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948
прибыло	4	231	17	–	13	–	–
убыло	–	23	23	6	25	153	26

(С. 72)

Ниже указывается, что испанцы также находились в спецгоспиталях № 1175, 1512, 5091, в эвакогоспитале № 3757, в госпитале инвалидов № 185 в г. Кинешме. (С. 74)

Ю.Е. Рыбалкиным также отмечаются разночтения относительно количества содержащихся в СССР и репатриированных на родину испанцев в различных документах, направляемых в правительство, и приводятся эти конкретные данные в «особых папках» Хрущева, Молотова и в других документах. Заслуживает внимания его упоминание о том, что наряду с передачей в 1954 г. военнопленных испанцев французскому Красному Кресту, некоторые из них «в том же году убыли на постоянное местожительство в Одессу, Тбилиси и другие города

Советского Союза» (С. 73 второго сообщения). Но, к сожалению, он не подтверждает это ссылками на какие-либо документы и не называет имен таких военнопленных.

Им также немного дополняются сведения об умерших военнопленных: в лагере № 158 умерли Минула Л.Х. (5 июля 1944 г.), Барьера Э.Э. (27 августа 1945 г.); в спецгоспитале № 5091 – капрал Арангуэна Н.В. (26 июля 1945 г.) и рядовой Баутро Б.А. (25 ноября 1945 г.) (С. 74 второго сообщения). Но относительно последнего мы можем сообщить, что он фигурирует в списке выехавших на «*Семирамисе*». Ю.Е. Рыбалкин также пишет, что имеется по крайней мере 112 мест захоронения воинов Голубой Дивизии (Павловск, Местелево, Григорово, Райково) и признает, что не все приведенные им сведения абсолютно достоверны (С. 250 первого сообщения).

Обстоятельств жизни и судеб некоторых интернированных испанцев мы касаемся и в нашей работе об испанской эмиграции и положении испанских военнопленных и интернированных²⁰.

²⁰ Елпатьевский А.В. Испанская Эмиграция в СССР, Москва Тверь, 2002; Он же: Об испанских военнопленных и интернированных в СССР // «Вестник архивиста», 2006, № 2 – 3 (92 – 93), С. 273–284; № 4 – 5 (94–95), С. 156–172.

3. Голубая Дивизия как таковая в испанской историографии

Официальная справка о Голубой дивизии в испанском источнике гласит следующее: «Division Azul» – испанская военная единица, которая входила в германскую армию (дивизия 250), сражалась на фронте в течение Второй мировой войны. Была сформирована из добровольцев и начала формироваться сразу с начала войны между Германией и СССР (22 июня 1941). В середине июля первые экспедиционеры выехали из Испании; после небольшого совещательного периода в Германии дивизия была перемещена в сектор Ленинграда и вышла на линию фронта 12 октября. Командовал ею генерал Муньос Грандес, а с начала декабря 1942 г. генерал Эстебан-Инфантес. В октябре 1943 г. дивизия начала возвращаться с фронта, хотя около 1800 добровольцев из ее состава остались, и сформировали «Испанский легион», который сражался до марта 1944 г. Небольшая группа продолжала воевать, будучи включенной в СС, до конца войны. Через Голубую дивизию прошло примерно 60 000 человек, из которых более 4 000 погибло»²¹.

²¹ Gran Enciclopedia Larousse. Barcelona, 1968–1974. Т. 3. Р. 949.

Второй командир – первый свидетель

О Голубой дивизии существует большая испаноязычная литература. По хронологии начнем с первого систематического свидетельства – повествования ее второго командира, генерала Эмилио Эстебан-Инфантеса²². Он командовал дивизией с декабря 1942 по декабрь 1943 г., когда вернулся на родину.

Он упоминает о «нескольких инцидентах» во время проезда добровольцев через Францию, которая, «уже занятая немцами, не могла с симпатией встречать тех, кто собирался сражаться на стороне ее захватчиков», и противопоставляет этому «энтузиазм и приветствия» со стороны населения Германии (С. 20). Генерал приводит таблицу со структурой 250-й дивизии, называет ее численность – 17 046 человек, 5 610 лошадей, 765 повозок (С. 25).

Многие страницы первой главы своей книги он посвящает своему взгляду на русский народ, русского солдата, русские обычаи.

Начинается это с тривиального подчеркивания разницы между Европой и Россией, между их культурами и душами, с того, что Россия всегда стремилась к человеческой общности, Европа же – к индивидуализму.

«В мирный период мог существовать обмен между этими большими культурами, но в эпоху войны можно сближать разные народы. Война это не только разрушение, но также оживляющая культурная сила... Русский скромнен и полон чувства вины с манией страдания (С. 27). Этот дух рабства сделал возможным коммунизм, который будет продолжаться до тех пор, пока русская душа не вернется к той гармонии, которая царила при политическом порядке древних торговых независимых республик Пскова и Новгорода. Тогда Россия соединяла свою мессианскую душу с позитивным влиянием Запада.
<...>

Мы не можем сказать, что мы проникли в русскую душу – за несколько месяцев нашего пребывания в районах Волхова и Ижоры, в условиях войны, в стране с сильно сократившимся населением совместная жизнь с местными жителями была скудна и лишена нужной полноты. Мы в этих сложных условиях смогли узнать только внешнюю сторону того, что значит быть русским. Но несомненно также, что определенное сближение (С. 28) позволило нам проникнуть в более интимные глубины мировосприятия некоторых жителей завоеванной территории и узнать об их подлинной реакции на некоторые вещи».

Эстебан-Инфантес замечает моральную дистанцию между людьми старшего и среднего возраста и молодежью. Первые религиозны, уважают традиции, любят своих ближних и рабы своего дела. Дети и юноши более беззаботны, свободны от всех религиозных установок, вплоть до непочтительности и дерзости по отношению к старшим (С. 29).

Война показала русской молодежи (С. 30) большие европейские страны. «Оккупация Польши и потом части Германии и стран Балтики и Дуная позволили российскому солдату жить рядом с людьми, жизненная концепция которых отлична от его собственной, имеющих другие обычаи, стремления. В неизбежном сравнении, которое возникает между Россией 45 года и другими европейскими нациями, оккупированными Сталиным, у советского режима будет не много преимуществ...» (С. 31). Генерал, в целом, был прав, но он забыл или не знал о сталинском ГУЛАГе...

²² Esteban-Infantes E. La Division Azul (donde Asia empieza). Barcelona, 1956.

По его мнению, традиционная любовь русских к музыке и литературе сохранялась в немногих семьях – он встретил лишь две семьи, где было пианино и ежедневно уделяли несколько часов музыке. Большая же часть современного населения предпочитала граммофон с танцевальными пьесами. Он подчеркивает, что русские медики, инженеры, архитекторы не обладали уровнем, соответствующим действительному европейскому высшему образованию (С. 34), критикует учебники по географии и истории для средней школы, в которых акцент делается на периоде коммунистического режима (С. 35); критически отзывается и о представителях сельского духовенства – «мы много общались с одним из них в Антроп-шино, этот священник имел благородный вид и был любим и уважаем большей частью населения, но он был исключением» (С. 36).

Обстоятельна его характеристика русских военных.

«Русский, без сомнения, хороший солдат; безропотно послушный – более из страха, чем из убеждения, упорный и упрямый, но не чувствующий связи со своими товарищами по части; утратив прямое командование, он теряет свои боевые способности, пугается, вплоть до того, что его легко уничтожить. Хорошо оснащенный, он враг всего достойного презрения, в одиночку безобидный. <...>

Бывало, что из-за незначительных деталей русские солдаты забывали свою главную задачу и теряли драгоценное время для успешного выполнения поручения. Было несколько случаев, когда их отряды занимали наши траншеи одним ударом, а затем удивлялись нашей быстрой ответной реакции, в то время как они собирали съестные припасы в «бункерах», которые только что заняли. Вплоть до того, что их запирали внутри, пока они старательно откупоривали (С. 37) ящики с мармеладом или бутылки с коньяком. Их медлительность и беззаботность становилась для них фатальной, и мало кто мог спастись. В другой раз их заставляли врасплох за поворотом окопа, не решающихся искать нас по лабиринтам траншеи, осужденных самими собой на смерть из-за неготовности к самостоятельным действиям. Несомненно, что они без колебаний и нерешительности стремились к цели, которая перед ними ставилась, подталкиваемые не патриотическими импульсами, но давлением коммунистических агентов или угрозой жесточайших наказаний, но это случаи, когда приказы выполнялись, несмотря на опасность. Их современное оружие делает их опасными, а водка, обильно выдаваемая при необходимости, делает их храбрыми.

Средние командиры не были плохими, но были в руках упорных коммунистов, которые знали, в какую игру они играют, и которые, в качестве офицеров-информаторов или политических комиссаров, составляли класс, пронизывающий армию до мозга костей. Среди солдат формировалось большое ядро несогласных с коммунистическим режимом и желающих прекратить всякую борьбу.

Высшие офицеры были плохо подготовлены и чрезвычайно боялись впасть в немилость; у них не было ни свободы действий, ни больших профессиональных знаний, но прошедшая, очень продолжительная война способствовала тому, чтобы выучить немецкие уроки, научила их учиться и на практике показывать достаточные результаты, чтобы можно было рассматривать их как врагов, достойных уважения» (С. 38).

«Больше всего в кампании 1941–1943 гг. нас удивило применение артиллерии. Можно сказать, что это их наиболее устрашающее оружие, которое они используют наилучшим образом. Русский артиллерист чудесный и

использует свое орудие с максимальным коэффициентом полезного действия. Дальностью, точностью и частотой стрельбы артиллерия была угрозой нашим коммуникациям, командным пунктам и центрам снабжения, угрозой постоянной и огорчающей» (С. 39).

«Русские автомобили были хороши и многочисленны, но их применение никоим образом не было превосходным – из-за плохого командования» (С. 40).

«Если артиллерия – мортиры и противотанковые орудия – были лучшими на русском поле, то мы можем равным образом утверждать, что германская авиация была много лучше вражеской, лучше по качеству, а не по количеству. Было достаточно двух аппаратов под Красногвардейском, чтобы заставить бежать целую эскадрилью русских... Русские бомбардировщики не пугали ни числом, ни точностью, ни интенсивностью полетов. Однако, их противоавиационная защита была могущественной, и ее сеть под Санкт-Петербургом²³ несомненно эффективной.

Впоследствии было создано много тысяч аппаратов и обучено множество авиаторов, но можно смело утверждать без боязни ошибиться, что русская авиация всегда будет ниже американской и английской» (С. 41).

Во второй главе генерал высказывает недоумение по поводу того, что германское командование заставило дивизию полтора месяца идти пешком от Сувалок до Витебска и далее почти тысячу километров, но утверждает, что солдаты дивизии успешно справились с этим, показав свою хорошую подготовку (С. 50). Он отмечает, что к ним хорошо относилось польское население и католические священники. Несколько страниц посвящено автором путешествию дивизии и общей характеристике Восточного фронта в этот период; он пишет, что Новгород производил впечатление настоящего города, мертвого города, где были хорошо видны приметы его древности и следы войны (С. 55–56).

Много внимания уделяет Эстебан-Инфантес вопросам расположения дивизии, первым и последующим ее боевым действиям. Вообще, его книга – типичные военные мемуары военного-профессионала, и в этом смысле это хороший источник по истории боевых действий, но очень слабый источник для выяснения взглядов испанца на Россию.

Третья глава книги называется «Испано-германское братство». В ней есть несколько любопытных наблюдений, так или иначе перекликающихся с наблюдениями Ридруэхо (о них ниже).

«Помню один не очень важный эпизод, который открыл нам поведение большей части русских военнопленных. Запоздав однажды в очень холодный день, два солдата сопровождали в пустынной местности группу из 12 военнопленных. Один солдат почувствовал, что замерзает, и нуждался в помощи своего товарища. А немного позже уже оба конвоира стали нуждаться в помощи пленных, которые собрали их оружие и имущество и продолжили марш. Представьте себе эту лесную дорогу со странной процессией, которая продвигалась к ближайшему поселку. Прибыв в «комендатуру», они торжественно передали своих охранников офицеру и снова стали пленными» (С. 86).

С позиции высшего офицера генерал говорит об «испано-германском братстве», приводя в пример своевременную помощь со стороны испанцев немецким частям, и особенно отмечая при этом заслуги офицера Хосе Мануэля Ордаса Родригеса (С. 95).

²³ Так у автора – прим. ред.

«Немцы вообще, а иногда и гражданское население с любопытством наблюдали за нашими дивизионерами. Их громкий разговор и смех, споры, их обычай заигрывать с девушками, их беззаботное, иногда не боевое поведение производило первое время не слишком благоприятное впечатление. Худощавые, невысокого роста солдатики, скандальные на публике, не очень уважающие по внешним проявлениям дисциплину, они не могли равняться по своему военному облику с белокуроыми молодцами-германцами, строгими, серьезными, корректно одетыми. Но наступило время правды, время проявить храбрость и дисциплину, которые есть в испанце и в его идеалах, наступил момент показать сопротивление усталости, дух самопожертвования, уверенность в обращении с оружием – одним словом, наступило время умереть или победить. Тогда произошла трансформация: скандалисты превратились в горячих борцов, не утративших своего веселья, маленькие выросли, отважно сжимая свое оружие, все слепо выполняли приказы самые категорические и опасные, развилась инициатива каждого для преодоления трудностей...» – далее генерал говорит, что немцы изменили отношение к дивизионерам в благоприятную сторону (С. 96).

В августе 1942 г. Дивизия получила приказ перебазироваться на фронт к Санкт-Петербургу (С. 119). Сначала она была в Вырице, потом переместилась в Пушкин.

«Мы чувствовали большое любопытство, обозревая город и жизнь Санкт-Петербурга. С нашей артиллерийской обсерватории в Пушкине мы могли видеть в бинокль с увеличением в сорок раз перемещение по улицам и бульварам. Ориентирами нам служили купола Святого Петра и Святого Павла, Дом Партии и Невский проспект, мы могли видеть главные городские артерии, большие заводы его промышленных центров, включая часть морского движения. Многие часы мы посвящали этому наблюдению...» (С. 128–129).

Генерал пишет, что в октябре 1943 г. они поняли, что характер войны изменился и что они не могут больше атаковать (С. 137).

Интерес представляют страницы, посвященные «Взаимопроникновению наших солдат и русского населения»:

«Всегда, когда мы меняли дислокацию, наблюдался один и тот же феномен: почти повсеместная неприязнь гражданского населения в начале и последующее сближение вплоть до приобретения доверия и взаимопроникновения. Наш характер, кипучий, исключительно открытый и иногда провокационный, чрезвычайно удивлял население тех мест, где проходила колонна испанцев. Судя поначалу только по нашему внешнему виду, народ старался не сталкиваться с испанскими солдатами, боялся их голосов и старался избегать их. Когда остановка была более длительной и было больше времени и поводов для формирования окончательного мнения, отношения становились мягче день ото дня. Тот же самый солдат, который днем раньше требовал матрас с не слишком корректными интонациями, оказывался тем, кто на следующий день делил свой хлебный паек с детьми дома или дежурил ночью у больного. Иногда они делились марками или рублями для приобретения чего-либо необходимого. И русский, который в глубине души добр и благодарен, отдавал должное этим чертам благородства.

В поселках, занятых Дивизией, мало-помалу возникала симпатия между испанцами и русскими, что удивляло немцев (С. 139).

Время превращало эту симпатию во взаимопроникновение, и можно было видеть нашего молодого человека, гуляющим с девушками поселка, как на воскресных гуляниях в маленьких испанских селеньях... Те же самые пленные или русские дезертиры, которым через несколько дней предоставлялась свобода почти абсолютная при дневном свете, исполняли порученную им работу без какой-либо попытки покинуть наш лагерь, чтобы присоединиться к своей армии. Только в одном случае сбежали двое арестованных, которые, по всей видимости, стремились на юг, чтобы очутиться как можно дальше от своих окопов. Известно, что они хотели для большей безопасности оказаться как можно дальше от возможных сражений.

Нам на память приходит случившееся в октябре 1943 г., когда Дивизия перемещалась из сектора Сан-Петербурга к Ораниенбауму и к западу от Гатчины (С. 140) (Красногвардейска). Большое число семей просило разрешения следовать с нашими отрядами, и поскольку транспорта не хватало, эти просьбы не были удовлетворены. Их это не остановило, и они решились сделать такой длинный переход; в течение нескольких дней мы видели, как по шоссе со стороны Красногвардейска шли из Пушкина и Покровской люди со скотом и домашней утварью, которые опережали наши отряды. Даже на автомобилях наших подразделений, вопреки приказам командования, находилось много людей из тех, кто до того был у нас на службе. И как доказательство сказанному прибавим, что когда наш Главный штаб выехал из дома попа в Антропшино, он неожиданно передал генералу документ, в котором говорилось о благодарности испанцам от населения этого региона за человеческое обращение» (С. 141).

Специальный раздел 7-й главы посвящает генерал вопросу «Почему Голубая Дивизия была в России», особенно подчеркивая антикоммунистическую направленность ее создания.

«По резонам политическим и дипломатическим столь высокого полета, что никто не мог в них проникнуть, правительства различных европейских стран демонстрировали свою симпатию к народному правительству, которое тогда решало судьбы Испании и вело ее к развитию ненависти, угнетения и крови. Националисты, представлявшие всё самое здоровое и благородное в Испании, сформировали антикоммунистический блок, получали помощь, более (С. 206) моральную, чем материальную, от двух наций, которые тогда стали в открытую оппозицию политическому режиму Сталина... Мы закончили нашу внутреннюю войну нашей общей и абсолютной победой постулатов национальной независимости и традиционных испанских чувств в отношении попытки экспансии и коммунистического господства, но мы в то же самое время прекрасно отдавали себе отчет в том, что Советская Россия нам не простит никогда своего поражения. <...> Мы не могли забыть, что в наиболее тяжелые моменты Испания получала сердечную поддержку итальянцев и немцев, которые нам давали и продавали материалы, а также небольшими вооруженными подразделениями – очень незначительного числа и могущества – символически сражались на нашей стороне против коммунизма. Россия, напротив, посылала в красную Испанию обильные военные средства, собрала людей из других стран (С. 207), чтобы составить тактические единицы, которыми существенно усилила марксистскую армию, усиленно влияла на Европейские правительства, чтобы поднять их против национальной Испании, и сделала всё возможное, чтобы продолжить опустошительную войну на

нашей земле, творя на ней наиболее жестокие репрессии и самые ужасные преступления. <...> Благоразумие и осторожность привели нас к пониманию, что русские и немцы были врагами. Реакция испанцев была логична и естественна, давая выход их чувствам. Мы горячо желали крушения русского режима в соответствии с нашими антикоммунистическими идеями.

По всем испанским регионам был брошен клич борьбы против тех, кто были нашими заклятыми врагами несколько месяцев назад, и боевое настроение борцов-националистов Крестового похода завладело душами. Правительство (С. 208) Франко считало вопросом более чем политическим свое решение о формировании дивизии испанских добровольцев, названной Голубой Дивизией, и отправке ее символически сражаться против советской армии. Испанская дивизия была встроена в боевые немецкие соединения, потому что Германия вела главную борьбу против России; на Восточном фронте была заботливо выбрана наиболее удаленная зона, в северном секторе, во избежание любых инцидентов с солдатами других наций, тогда союзников Сталина.

Когда шла наша гражданская война, нам нанесли два визита: один – русские, враги, чтобы сражаться с нами огнем и кровью, и другой – немцы и итальянцы как друзья и соратники. По прошествии четырех лет мы вернули эти два визита, направив дивизию испанских добровольцев, способных сражаться с коммунизмом в его собственном доме в прямом сотрудничестве с германскими дивизиями... (С. 209)

Испанцы были первыми, кто сражался против коммунизма и разгромил его. Мы надеемся оказаться теми, кто с наибольшим постоянством сопротивляется ему в Европе» (С. 210).

Как видим, в приведенных словах достаточно четко определена идеологическая основа участия фалангистов-добровольцев в войне.

Далее Эстебан-Инфантес посвящает несколько страниц действиям испанских воздушных эскадрилий в центре Восточного фронта независимо от Голубой дивизии.

Некоторый интерес представляет рассказ генерала о его последнем свидании с Гитлером в связи с решением вопроса о возвращении Голубой дивизии в Испанию в ноябре 1943 г. Утром 6 ноября из отеля Эдем в Берлине он в сопровождении немецкого майора был доставлен в район Мазурских озер. Там в сопровождении генерала Улера 8 ноября в полдень он получил приказ явиться к фюреру к 4 часам дня. Вместе с переводчиком – лейтенантом Гоффманом – он прибыл в маленькое помещение (С. 248), где их стоя встретил Гитлер.

«Меня чрезвычайно удивило, что мне удалось встретиться с высшим немецким вождем без больших церемоний и ожидания и выпала честь пожать руку, которую он мне протянул с заметной нервозностью и даже тревогой... Гитлер, улыбаясь не очень естественно, как обычно, вручил мне пергамент с возведением меня в рыцари Железного Креста, и с помощью переводчика мы обменялись словами, соответствующими этому случаю. Глядя на его лицо, можно было заметить явные следы усталости. Два глубоких синеватых мешка под его невыразительными глазами свидетельствовали об усилиях и чрезвычайной озабоченности.

Наконец, начался общий разговор без какой-либо преамбулы. Гитлер начал говорить о геркулесовой работе, которую проделывает германская армия. Этот человек, несколько сгорбленный, с лицом демократа и замедленными движениями, мало-помалу оживлял свой взгляд, двигал

мускулами лица, жестикулировал и повышал свой голос, как латинянин, с такой же страстностью. Он полностью преобразился, в нем был энергичный и сильный дух, который как бы освещал его изнутри. «Западные деятели слепы!» – повторял он снова и снова. – «Опасность на Западе, и я не могу победить ее! Вся Европа будет страдать от последствий этой ошибки! Враг не я, враг – это Сталин! И Германия не может разбить Россию, так как должна одновременно защищаться с трех других сторон. Если бы была (С. 250) возможность использовать всю военную силу, чтобы переместить ее всю через Вистулу²⁴, то Европа была бы спасена и мы избежали бы следующей войны».

Прощаясь со мной, фюрер вернул себе холодный и невыразительный вид, который имел при моем прибытии, обратил ко мне несколько последних слов погасшим тоном, которые, тем не менее, оставались в целом сердечными» (С. 251).

Затем генерал рассказывает о формировании из остатков дивизии Испанского легиона, приводит его структуру (С. 354): в нем было 1500 легионеров, 6 генералов, 97 офицеров, 175 унтер – офицеров, 355 капралов, всего 2 193 человека и 404 лошади. Легион продолжал в 1944 г. действовать на Ленинградском фронте.

В конце своей книги Эстебан-Инфантес приводит список из более чем 20 использованных им работ, статей и лекций, которых нам не удалось обнаружить в библиотеках Москвы. Всё же назовем несколько книг, которые представляются нам наиболее важными:

Angel Ruiz Ayucar. *La Rusia que conocí*. Madrid, 1954.

Coronel Martinez Esparza. *Con la Division Azul en Rusia*. Madrid, 1943.

Tomas Palacios y Torcuato Luca de Tena. *Embajador en el Infierno*. Madrid, 1955.

Tomas Salvador. *Division 250*. Barcelona, 1954.

²⁴ Так в источнике – прим. ред.

«Русские тетради» Дионисио Ридруэхо

Очень интересны «Русские тетради» Дионисио Ридруэхо²⁵, в которых детально описан весь путь дивизии и ее военные действия под Новгородом до начала 1942 г.

Наша краткая тезисная аннотация «Русских тетрадей» Дионисио Ридруэхо, представленная в 1995 г. на конференцию «Вторая мировая война. Страницы истории», дает лишь самое общее впечатление об этом источнике. Между тем сама фигура этого автора и его русский дневник, опубликованный наследниками после его смерти, заслуживают определенного внимания.

Дионисио Ридруэхо Хименес, испанский поэт и политик, родился 12 октября 1912 в Бурго де Осма (Сория) и умер 29 июня 1975 в Мадриде. Учился сначала в родном городе, где среди его преподавателей был Антонио Мачадо; в 1933 г., будучи студентом факультета права, вступил в Испанскую фалангу. Был одним из активных сотрудников Хосе Антонио Примо де Риверы; автором нескольких строф гимна Фаланги. В гражданскую войну сражался на стороне Франко в отряде «Альсамиенто»; во время и после войны занимал ряд должностей в Национальном правительстве, в частности, был Генеральным директором Прессы. В 1940 г. основал журнал «Эскориал». Добровольцем вступил в Голубую дивизию, являясь там также и корреспондентом Прессы Движения, но по возвращении в Испанию в 1942 г. отказался от всех должностей и порвал с Фалангой, написав письмо Франко, с которым был лично знаком. В 1944 г. женился на каталонке Глории де Рос, проявлял большое внимание к жизни Каталонии, был корреспондентом газеты «Арриба» в Риме. С 1951 г. его политическая деятельность стала носить демократический характер, что несколько раз приводило его в тюрьму. В 1957 году основал Социалистическую Партию Демократического Действия.

В 1962 г. принял участие во встрече в Мюнхене оппозиционеров режиму Франко, за что был изгнан из страны и до 1964 года жил в Париже. Протестовал против расстрела Хулиана Гримау. В 1968–69 гг. был преподавателем испанской литературы и истории в США; в 1974 г. стал одним из основателей Испанского Социал-демократического Союза. Автор нескольких поэтических книг; в 1962 г. опубликовал в Буэнос-Айресе политическую книгу «Escrito en Espana»; после его смерти изданы: том воспоминаний и документов и коллекция литературных эссе («Casi unas memorias», «Sombras y bultos»)²⁶.

Его дневник о пребывании в Голубой дивизии – «Русские тетради» – не предназначался автором для печати. По мнению его издателей, он является «одним из наиболее живых и прямых рассказов об истории Голубой дивизии, экстраординарным свидетельством, содержащим личные впечатления вместе со страницами глубоких человеческих размышлений, иллюзий и разочарований». Для нас же эти тетради интересны тем, что они русские, тем, что их страницы отражают восприятие автором той действительности, которую он внимательно наблюдал в ходе долгого путешествия по землям Польши, Литвы, Белоруссии, России, нескольких месяцев позиционной войны и боевых действий в лесных деревушках под Новгородом. Поэтому из всех возможных аспектов, с которых можно рассматривать источниковое значение «Русских тетрадей», мы выберем лишь некоторые – отношение автора к коммунистической и национал-социалистической идеологии, к немецкой политике на русских землях, к целям и задачам войны в целом, к русским военнопленным и ходу военных действий. По этому дневнику

²⁵ Ridruejo D. Los cuadernos de Rusia. Barcelona, 1976. Об этой книге см. также нашу публикацию: Участник Голубой дивизии о России. // Вестник архивиста. 1995. № 6 (30) с. 77–83. и главу 6 нашей депонированной рукописи: Испаноязычные источники о России первой половины XX века. Источниковедческие очерки. М., 1998. Деп. в ИНИОН РАН 7.12.98. № 54099

²⁶ Enciclopedia Universal Ilustrada, Suplemento anual 1959–1960; 1975–1976.

можно судить, как в душе фалангиста постепенно вызревали те зерна, которые превратили его в социалиста.

Итак, сначала о мировоззренческих, идеологических позициях автора. Ридруэхо – убежденный антикоммунист. Но он не считает необходимым это демонстрировать и свое участие в создании Голубой дивизии объясняет тем, что «понимал это не как «антикоммунистический подвиг» (мстительный или символический), но как минимально возможное вмешательство Испании в войну – по солидарности с усилием или болью мира, по верности ожидания лучшего мирового порядка...» (С. 9 – 10). Он считает почти очевидной целью дивизии «вступить в войну на Востоке от имени Испании только затем, чтобы избежать для Испании большего риска... По критериям Министерства, мы – цена нейтралитета, что тоже нас огорчает, потому что большинство из нас не сторонники этого нейтралитета и, по меньшей мере, огорчены сознанием, что это необходимость» (С. 19).

Для сравнения приведем официальную фалангистскую аргументацию формирования Голубой дивизии, изложенную в обращении испанского министра и генерального секретаря фалангистской партии Хосе Луиса де Арресе к руководителям окружных организаций фаланги от 27 июня 1941 года: «Россия хотела разрушить Испанию и в значительной части ее разрушила, она хотела использовать Испанию как средство для разрушения всего Запада, и Испания потеряла более миллиона убитыми в борьбе за восстановление своей свободы. Во всей Европе не будет мира и спокойствия, и никогда не совершится в ней настоящая народно-освободительная революция, пока существует Советская Россия...»²⁷.

На основе своих минских впечатлений Ридруэхо делает вывод, что несмотря на всю безрадостность и бедность жизни, эта панорама не вселяет надежду в то, что вернуться к дореволюционной морали и марксистскому мировоззрению будет легко. «Молодежь, которая никогда не знала жизни менее тяжелой, огорчена разгромом, не хочет знать ничего нового... Кроме того, дело марксистского воспитания было интенсивным: старым религиозным и социальным доводам были противопоставлены другие, и стал привычным демон хвастовства: эти юноши, охваченные позитивной наукой, идеалами техническими и прогрессистскими, были столь же уверены в самих себе, как и европейские прогрессисты прошлого века, но с худшими способностями к распознаванию истины...» (С. 90–91). Ридруэхо подтверждает «чудо отдаления, в котором этот народ жил: ни одно известие мира не доходило не отфильтрованным должным образом...» и резюмирует: «одна вещь мне показалась несомненной после моего визита в Минск: так или иначе, ужас коммунистического режима есть уже атмосфера совершившаяся, обычная; можем сказать, естественная в России...» (С. 92). Впрочем, он делает исключение для крестьянства: «Антикоммунистические протесты крестьян были постоянными с момента нашего проникновения в СССР. Пожалуй, это обычно...» (С. 95). Уже в деревне под Новгородом он делает запись о мужике, который «мне сказал, хотя я его об этом не спрашивал, что Сталин плохой, и прибавил, делая жест у шеи, слово, трагически универсальное: «капут». Он плохой потому, что этот мужик в другое время, будучи юношей или даже ребенком, имел трех коров, а сейчас может иметь только одну. И утверждает, что Сталин украл у него много вещей и не дает одежды, чтобы одеться. Говорит, что Ленин, наоборот, был хороший. Без сомнения, у крестьянства был какой-то период эйфории – время вечной народной и индивидуалистической иллюзии «дележа» – вскоре после революции, которая не захотела ни считаться с ним, ни работать для него и рассматривала крестьянство как сословие рабское, заменив лишь в городах титул «буржуазный» на титул «пролетарский»...» (С. 141).

²⁷ РГВА, ф. 1425, оп. 2, д. 46, л. 24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.